

Посвящается Анне, Томасу, Эдварду
и всем моим родным и друзьям.

А особенно — Сэммиуму Скромби Никсу,
лабрадору, который внезапно стал членом
нашей семьи месяца через три после того,
как я начал писать о королевском псе
Азарте, а также Ямди и Байтениксу —
собакам, ушедшим раньше нас на самую
долгую из всех прогулок.

ПРОЛОГ

Десять лет назад

Ледяной ветер, завывая, носился над замерзшим рвом, швырял град в стены замка и в плотно закрытые ставни. Но, несмотря на ветер и град и всяческие причуды холодной зимы, в Большом зале было тепло и уютно.

Во всех четырех каминах ярко горел огонь. Поверх толстых поленьев насыпали мелких еловых шишек — от них шел чудесный дух, как от ладана. Дым завивался кольцами, а в самом лучшем месте, на ковре перед самым большим камином, собралась куча-мала щенят.

В этой куче непрерывно копошащейся мелюзги было две дюжины щенков и один человеческий детеныш. Не абы кто, а принцесса, хотя, глядя на нее, ни за что не угадаешь, потому что одета она была как мальчишка — помощник садовника. В отличие от щенков, принцесса крепко спала.

Щенята притихли, когда в зал вошла старая собака с серебристо-седой мордой, тяжело плюхнулась на ковер и тихонько гавкнула. Щенки

тут же уселись двумя ровными рядами, поставив уши торчком, и приготовились внимательно слушать.

Принцесса пошевелилась во сне и повернулась на бок. Один щенок пихнул ее носом и хотел куснуть, чтобы разбудить, но старая собака сказала:

— Пусть принцесса спит. Не надо ей слышать того, о чем я стану рассказывать. Она еще маленькая, пусть поживет пока, не зная страха. В будущем ей придется проявить храбрость, и это очень понадобится всем нам.

— А ее сестра? — спросила старшая из щенят; она часто вылезала с вопросами. — Позвать?

— Не надо.

Старая собака вздохнула и обнюхала кусочек, выпавший из очага. Кусочек оказался несъедобным, поэтому она продолжила:

— Не будем пока никому рассказывать. Это дело для королевских собак, а больше ни для кого.

Щенки еле удержались, чтобы не запрыгать и не начать бороться друг с другом. Интересно же! Но старая собака остановила самых резвых суровым взглядом, которым с легкостью умирала овец на пастбище, и малыши снова смиренно уселись.

— Наш новый герцог — колдун, — сказала старая собака. — Настоящий, не просто так. Сердце у него уже совсем холодное, а дальше будет становиться еще холоднее.

Щенята зарычали, показывая зубы.

— Ему помогают другие колдуны, его союзники, — продолжала старая собака. — Самые злобные, самые хитрые и коварные, самые опасные, какие только могут быть. Они пока еще не набрали столько силы, чтобы привести в исполнение свои замыслы, но со временем...

— А нам что делать? — спросил второй по старшинству щенок; он редко подавал голос. — Что мы можем?

— Наблюдать. Выжидать. Защищать принцесс, чтобы они были веселыми и ничего не боялись. К той задаче, что им предстоит, они должны приступить с легким сердцем и счастливыми воспоминаниями, иначе ничего не получится.

Старая собака говорила о двух принцессах, но смотрела при этом на младшую — ту, что спала на ковре. Все щенки повернули головы и тоже посмотрели на принцессу с любовью и обожанием.

Наверное, в их общем взгляде была какая-то особая энергия, и от нее принцесса проснулась. Увидев старую собаку, она пискнула от восторга и бросилась обниматься, а та в ответ облизала ей лицо.

— Сказку! — потребовала принцесса. — Расскажи сказку!

ГЛАВА 1,

*в которой Денхольма
превращают в лягушку*

Вопль был очень громкий и длился очень долго. Принцесса Аня, сидя с книгой в библиотеке, сперва старалась не обращать внимания, но в конце концов оторвалась от чтения и прислушалась.

— Кажется, случилось что-то, — дрожащим тонким голосом проговорил библиотекарь Готфрид.

С перепугу он мгновенно превратился в маленького сыча и отрыгнул аккуратную горсточку костей — остатки мыши, которую съел за завтраком. Готфрид всегда так делал, когда волновался. В смысле, превращался в сыча. А отрыжка — это просто сычиное свойство такое.

— Точно. — Аня нахмурилась.

Вопила ее старшая сестра Морвен — дело, вообще-то, обычное, но громкость и продолжительность вопля были из ряда вон.

Аня захлопнула книгу и защелкнула замочек, потому что книга была «Ученик наборщика и его

колдовские приключения». Если ее не запереть, слова выберутся наружу и разбредутся по всей библиотеке. На страницах и так не хватало нескольких слов. Они сбежали, когда книгу кто-то читал раньше. Готфрид подозревал, что особо вредная парочка, «незамедлительно» и «безотлагательно», вообще удрала из замка... или ее собаки съели.

Вопли между тем не смолкали. Аня выскочила из библиотеки, перебежала через внутренний двор к главной части замка и поднялась по боковой лестнице в покои сестры. Морвен была наследницей престола — по крайней мере, теоретически, — поэтому ей полагались комнаты просторнее, чем Ане. Правда, в вопросе наследования разобраться было нелегко, потому что у сестер имелись и отчим, и мачеха.

Позже Аню часто спрашивали, как так получилось — ни отца, ни матери, зато сразу отчим и мачеха? Ответ довольно простой. Мама принцесс, правительница маленького королевства Траллония, умерла, когда Морвен было шесть лет, а Ане — три. Через год их отец взял в жены графиню Изельду.

Так у них появилась мачеха. Все ждали, что она будет злобной, но оказалось, что она увлекается ботаникой, а детьми не интересуется вовсе, только растениями.

Еще через год отец тоже умер, и мачеха вышла замуж за герцога Рикарда.

Так и вышло, что у сестер появился и отчим, причем приемный отчим. От мачехи, увлеченной

ботаникой, большой беды не было, но отчим оказался в самом деле гнусным и очень хотел быть королем. Хотя по праву королевой должна была стать Морвен после своего шестнадцатилетия, то есть через три месяца. Наверняка герцог Рикард собирался этому помешать.

«Может, он уже что-нибудь такое сделал», — подумала Аня. Она постучалась в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла. Как она и ожидала, сестра лежала на диване в комнате для аудиенций, дрыгала ногами и вопила, глядя в потолок. Ее служанка Бетани сидела рядом на табуреточке и вязала. Уши служанка заткнула клочками шерстяной пряжи, свисающими ей на шею.

Аня склонилась над сестрой, дожидаясь, пока произойдут два события: первое — сестра заметит ее сквозь пелену слез, и второе — Морвен понадобится перевести дух.

— Что случилось? — спросила Аня.

Морвен перестала вопить и начала рыдать.

— От... от... от...

— Отчим, — догадалась Аня.

Ну ясно, дело в отчине, а не в мачехе. Изельду Аня и не видела уже целый месяц. Мачеха отправилась в дальние края за каким-то редким кустом или деревцем.

— Пре... пре... пре...

Аня изогнула бровь. Обычно рыдания Морвен она расшифровывала без труда, но тут стала в тупик.

— Превратил... — наконец выговорила Морвен.

— Превратил?

— Денхольма!

И Морвен зарыдала с новой силой, так что слезы у нее из глаз брызнули горизонтально в разные стороны. Аня попятилась. Она не знала, что такое бывает.

— В... в... в...

— Рикард превратил Денхольма во что-то, — перевела Аня.

Что особенно неприятно, когда у тебя отчим — герцог Рикард: колдун он весьма умелый. Принц Денхольм был очередной безмерно изумительной и неопикуемой любовью всей жизни принцессы Морвен. Королевич из мелкого прибрежного королевства, очень милый юноша, один из лучших в бесконечной череде принцев, которые являлись свататься к Морвен.

Ане он нравился, и ей было жаль, что злая судьба подарила бедняге мягкие волнистые волосы и голубые глаза — как раз такие, от каких Морвен теряла голову. Морвен и сама была замечательная красавица, с черными как вороново крыло волосами, белоснежной кожей и глазами цвета растопленного шоколада, поэтому те, в кого она влюблялась, тоже влюблялись в нее до безумия. И взаимное чувство длилось, пока она не решит, что кто-то другой нравится ей больше.

Отвергнутые принцы, как правило, возвращались домой, грустить у огня и сочинять плохие стихи. Или отправлялись в героический поход,

а в пути выяснялось, что им тоже другая нравится больше. Или их съедал дракон. Так или иначе, больше в замке сестер они не появлялись.

А вот чтобы их в кого-то превратили, такое случалось не часто. Наверное, Денхольм неосторожно заговорил с Рикардом за завтраком, а может, даже попросил у него руку принцессы Морвен — прямо-таки сам нарвался. Если Морвен выйдет замуж, у нее появятся союзники, а значит, избавиться от нее и стать королем Рикарду будет намного сложнее.

— Во что он превратил Денхольма? — спросила Аня.

— Ля... ля... ля...

— В лягушку! — догадалась Аня. — Никакой фантазии, что характерно. Морвен, хватит плакать! Это еще не конец света. Поцелуй его, он и расколдуется.

Морвен смотрела на Аню огромными, полными слез глазами. Розовые губки дрожали как в лихорадке. В горле что-то придушенно пискнуло.

— Не может, — произнесла Бетани. Она вынула шерсть из ушей, когда Аня начала говорить. — Он выпрыгнул из окошка в ров.

— Так иди принеси его обратно! — сказала Аня. — И поцелуй.

— Лягушек во рву — тысячи, — бодро пояснила Бетани.

— Морвен его обязательно узнает, — ответила Аня. — Принцесса же. Истинная любовь и прочее.

Бетани скорчила гримасу.

— Герцог велел принцессе неделю не выходить из комнаты.

— Ты... ты... ты... — прорыдала Морвен.

Аня тоже скорчила гримасу. Потом вздохнула.

— Ясно, ясно. Хочешь, чтобы я пошла?

Морвен всхлипнула, икнула и кивнула.

— А я-то как его найду среди такой толпы лягушек? Я же в него не влюблена!

Не успела Аня договорить, как уже сама ответила на свой вопрос — и очень удачно. Морвен бы ни за что не догадалась.

— Надо взять прутик-рогульку, каким воду ищут, и настроить на его волосы. У тебя же найдется локон?

Бетани фыркнула.

— Сто пучков! В медальоне.

Морвен, все еще всхлипывая, взялась за цепочку у себя на шее и вытянула из-за корсажа хрустальный медальон в форме сердечка, битком набитый локонами. Их было столько, что часть волосков торчала наружу.

— Только я сейчас очень занята! — попробовала отговориться Аня.

Ей совсем не хотелось искать во рву заколдованного принца.

— По... по... пожалуйста! — всхлипнула Морвен. — *Пожалуйста!*

— Морвен, прекрати плакать!

Морвен скорбно протянула руку с медальоном. Плечи у нее вздрагивали.

— Об... об... обещаю, что найдешь моего Денни! Я без него ум... ум... умру!

Аня с тяжелым вздохом взяла из медальона несколько волосков и спрятала в подвешенный к поясу кошель.

— Ладно, обещаю!

— Честное сестринское? — Морвен склонила голову к плечу и умоляюще заморгала огромными, полными слез глазами.

— Да! Честное сестринское. Я его найду, ты его поцелуешь... И все будет хорошо.

Конечно, все не будет хорошо, но Аня понимала, что бесполезно объяснять Морвен политическую ситуацию в целом. Если нынешний возлюбленный Морвен снова примет человеческий облик, она мигом забудет, что отчим задумал против обеих сестер что-то ужасное. Герцог Рикард уже давно превратил бы их в лебедей, а может, даже в гусынь, если бы девочек не берегли и не защищали все в замке, от девчонок — помощниц конюха до мальчишек-судомоек.

Не говоря уже о королевских собаках. Рикард пока еще не достиг такой колдовской мощи, чтобы пойти против собак. Они были бесконечно преданы принцессам, а колдовство Рикарда на них не особо действовало. Собаки слишком хорошо себя знали, и потому не поддавались превращениям.

Была легенда, как одну собаку все-таки удалось превратить в утку, но она попросту отказалась в это верить и по-прежнему вела себя как охотничья собака. Через пару дней она вместе с другими собаками загнала оленя и чары тут же развеялись.

— Спасибо! — Морвен улыбнулась. — Ты самая лучшая сестра на свете! Самая прелучшая! —

— Соревноваться-то не с кем, — буркнула Аня, выходя из комнаты, но тихонько, чтобы Морвен не услышала.

А то начнет думать о покойных родителях или о том, что у нее нет других братьев и сестер, которые могли бы ей помогать, и разовьется с новой силой. Лучше пускай тихонько плачет в подушку.

— Надеюсь, Готфрид уже пришел в себя, — сказала Аня, направляясь в библиотеку.

Требовалась его помощь, чтобы настроить рогульку, а в облике сына Готфриду всегда было трудно сосредоточиться. Хоть Аня и уверяла сестру, что отыщет Денхольма, на душе у нее было беспокойно. Во рву и правда жили тысячи лягушек, а еще голодная хищная щука и прожорливый аист — они оба питались лягушками...

Чем больше Аня об этом думала, тем сильнее тревожилась. Есть еще человек из деревни, который ловит лягушек для еды... И еще змеи, они любят глотать лягушек... А Чудище, что живет во рву, вряд ли станет мелочиться ради одного лягушонка, но запросто может случайно проглотить пару десятков...

Аня раньше не задумывалась, как опасна лягушачья жизнь. А ведь сейчас речь идет о жизни принца.

Лягушонка нужно найти и поцеловать немедленно!

ГЛАВА 2

*Принцесса Аня идет искать лягушонка,
а вместе с ней на поиски отправляется
королевский пес*

К счастью, Готфрид уже снова стал человеком, хотя все еще сидел на столе, нахохлившись и кутаясь в черную мантию. До того как стать библиотекарем, Готфрид учился на злого колдуна, но занятие оказалось не по нему. Злости в нем было очень мало, а как разволнуется, он сразу превращался в сыча, и это сильно мешало творить черное колдовство.

Работать библиотекарем у него получалось гораздо лучше, а начальное магическое образование тоже пригодились — помогать Ане, она очень интересовалась магией. Конечно, доброй магией. Ну и промежуточной магией. А если совсем честно, то и злой магией немножко. Самую чуточку.

Аня толкнула скрипучую дверь плечом и проскользнула в библиотеку.

— Мне надо настроить прутик на поиск лягушки, которая заколдованный принц, — сказала Аня. — Герцог Денхольма заколдовал.

Готфрид молча хлопал глазами.

— Ты уже человек! — нетерпеливо произнесла Аня.

— О! Да ну? — Готфрид соскочил со стола и размял пальцы. — Прутик для поиска лягушки... Нужно несколько волосков, или обрезки ногтей, или немного отшелушенной кожи с пяток.

— Есть волоски, — сказала Аня, сдерживая дрожь.

Кожи с пяток, вот еще!

— Тогда берем прутик-рогульку от куста орешника, макаем в прудовую воду, трижды обматываем волосками и произносим несложное заклинание.

Готфрид взмахнул руками, скакнул к книжному шкафу — и шлепнулся на колени. Потом спохватился, встал и смущенно подошел к шкафу.

— Заклинание можно найти в книге «Рок и пророчества», том второй. Или пятый. Может быть, шестой. Принцесса, найди прутик, макни его в ров и приходи. Я пока отыщу заклинание.

— Только не отвлекайся! — предупредила Аня. — И смотри в сыча не превратись.

— Да-да, — ответил Готфрид. — Это редко случается дважды в один день.

— Редко — не значит никогда, — сказала Аня. — И пожалуйста, поторопись! Заколдованным лягушкам опасно жить во рву. У них же все инстинкты неправильные.

— Ба! Не так уж это и страшно, — фыркнул Готфрид. — Мне вот даже нравится быть сычом.

— Уж лучше, чем лягушкой, — ответила Аня и вышла за дверь.

Найти прутик-рогоульку оказалось нетрудно. Аня знала, что в саду растут два ореховых дерева. Прутики пригодились для самого разного колдовства, поэтому отчим тщательно ухаживал за орешником. С такой же заботой он выращивал поганки в сырых закоулках подземелья.

Аня перебирала обломанные ветки, ища подходящий прутик, и вдруг раздался радостный лай — это прибежал молодой королевский пес по имени Азарт. Неуклюжий и большешлапый, он хоть и считался взрослым псом, по сути был еще почти щенок. Всюду носился со страшной скоростью и тараторил так же быстро.

— Что делаешь? — спросил Азарт. — А мне можно с тобой?

То есть он, конечно, лаял, но Аня прекрасно его понимала, как и других королевских собак. Они все были волшебные, и если хотели, чтобы люди их поняли, то люди понимали. А если кто слышал только рычание и лай — значит собаки этому человеку не доверяли. Например, так было с герцогом Рикардом. Болтая с королевскими собаками, Аня постепенно научилась понимать и других животных. Правда, рыб и земноводных — не очень. Они слишком булькают, когда разговаривают, ничего не разберешь.

— Я ищу палку, — сказала Аня и тут же пожалела.

«Палка» — очень важное слово для собак.